

САТИРИКОНЪ

1910

еженедѣльное изданіе

№ 31

III ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

На годъ—6 руб.; на полгода—3 руб.; на 3 мѣсяца—1 руб. 50 коп.

Контора и Редація журнала „САТИРИКОНЪ“: Сиб., Фонтанна № 80. Телеф. 524-62.

31 ЮЛЯ 1910 г.

Новосиб. обл.
научная
библиотека

ОСТРОУМІЕ ПОСЛѢДНИХЪ ДНЕЙ.

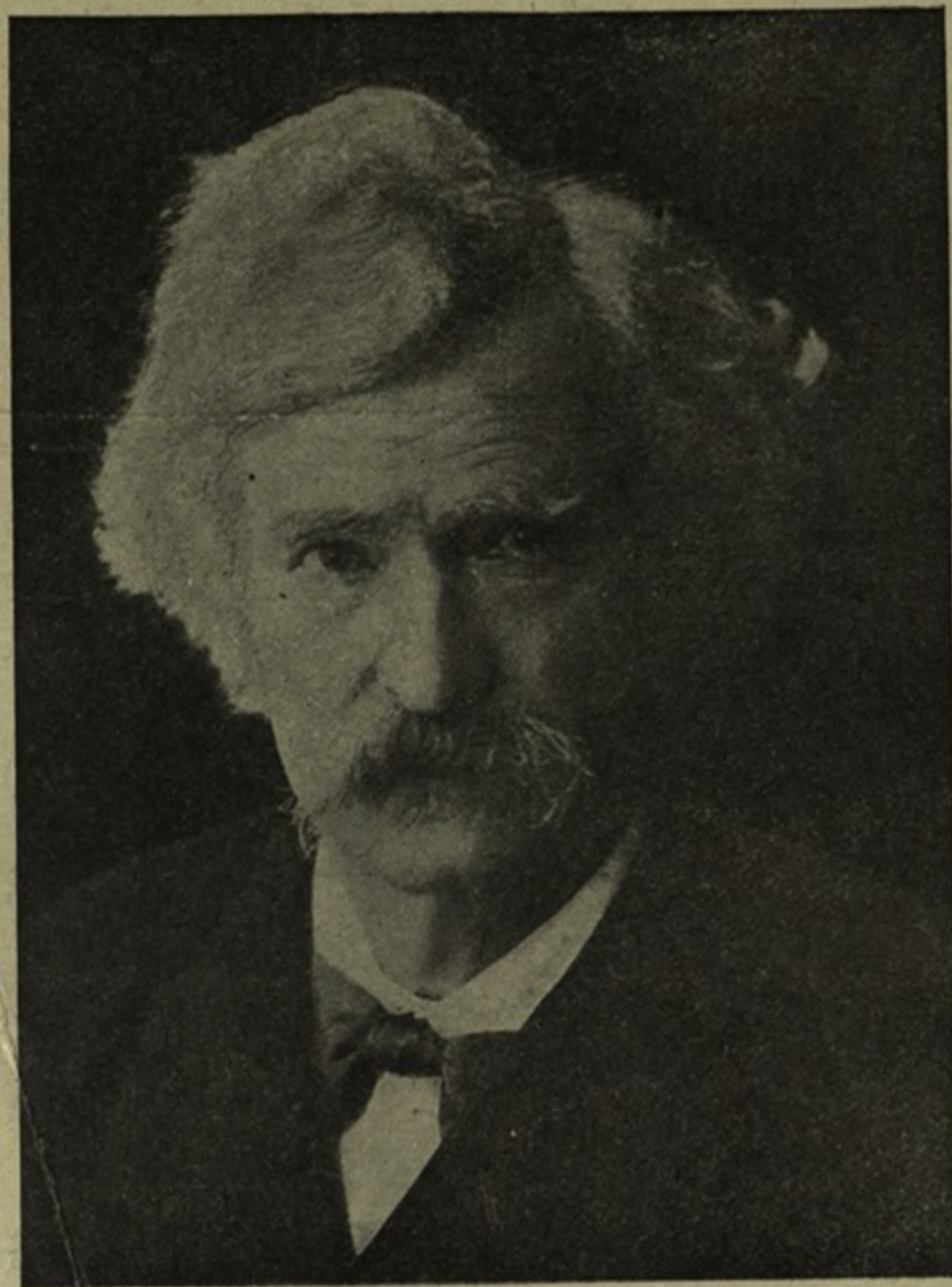
Рис. Ре-Ми.

НѢТЬ ХУДА БЕЗЪ ДОБРА.

Нов. сиб. обл.
научная
библиотека

Я думаю, дешевле всего будетъ стоить ревизія сибирскаго интенданта.
Почему?
Да перевозка интендантовъ въ Сибирь послѣ ревизіи ничего не будетъ стоить.

МАРКЪ ТВЕНЪ.

Объявляется подписка
на собраніе сочиненій знаменитаго американскаго
юмориста

МАРКА ТВЕНА.

ВЪ НОВЫХЪ ПЕРЕВОДАХЪ СЪ ПОДЛИННИКА.

Все изданіе будетъ состоять изъ двѣнадцати большихъ томовъ, съ портретомъ и біографіей Марка Твена.

Желая достигъ большей художественности и изящества этого изданія—„Сатириконъ“ выпускаетъ всѣ двѣнадцать томовъ **исключительно** въ переплетахъ художественной работы,—безъ особой за нихъ доплаты.

Отъ редакціи. — Хотя имя знаменитаго американскаго юмориста пользуется среди русскихъ читателей исключительной популярностью, тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ въ Россіи не появлялось сочиненій Марка Твена въ хорошихъ литературныхъ переводахъ. Русскій читатель знакомился съ Твеномъ или по случайнымъ, носившимъ характеръ разрозненности переводнымъ книжкамъ или даже по отдѣльнымъ рассказамъ, бессистемно и эпизодически появлявшимся въ журналахъ и газетахъ. При этомъ, въ большинствѣ случаевъ, переводы заставляли желать лучшаго, — наскоро сдѣланные, неряшливые и не передававшие духъ чудеснаго языка великаго юмориста—одной изъ главныхъ сторонъ Твеновскаго творчества.

Редакція «Сатирикона», приступая къ изданію новаго собранія сочиненій Марка Твена, приложить всѣ усилія, чтобы дать читателю, по возможности, образцовые переводы безъ пропусковъ и искаженій, тщательно и добросовѣстно отредактированные.

Настоящее изданіе является первымъ въ ряду другихъ изданій—произведеній популярныхъ юмористовъ,—предположенныхъ къ выпуску редакціей «Сатирикона», что должно составить оригинальную и исчерпывающую все достойное вниманія «Веселую бібліотеку», «Сатирикона».

Цѣна изданія по подпискѣ: за двѣнадцать томовъ въ переплетахъ 12 рублей.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 руб., по полученіи четвертой книги 4 руб. и по полученіи восьмой—4 руб.

По прекращеніи подписки—цѣна изданія будетъ **значительно увеличена.**

Пріемъ подписки открытъ въ главной конторѣ журнала „Сатириконъ“ (СПБ. Фонтанка, 80).

Издатель **М. Г. КОРНФЕЛЬДЪ.**

(НА УЛИЦѢ). НА НЕВСКОМЪ.

Трамваи въ скучные звонки.
Автомобиль, кричащій дико.
Походки женскія легки,
И шляпы, муфты полны шика.

Вдругъ—замѣшательства моментъ.
Какой-то крикъ, и вопль злодѣйскій...
Городовой, какъ монументъ,
И монументъ, какъ полицейскій.

Не видно неба и земли,
Лишь камни высятся побѣдно.
И гдѣ-то Русь живетъ вдали...
Живетъ загадочно и бѣдно.

Вл. Ладыженскій.

ДУМБАДЗЕ.

— Что, сынку... Помогли тебѣ твои ляхи?—иронически спрашивалъ безжалостный Тарасъ Бульба, поймавъ своего сына Андрея.

— Что, Думбадзе... Помогли тебѣ твои связи? Помогли тебѣ твои ялтинскія безумства, высылки и преслѣдованіе евреевъ?

Но мы не спросимъ такъ. Это была бы слишкомъ жестокая иронія.

Будемъ милосерды къ этому бѣднягѣ, облаченному въ костюмъ англійскаго туриста... Не будемъ жестоки къ человѣку, который теперь въ зной, дождь и вѣтеръ тихо плетется изъ одного города въ другой, изъ Одессы въ Астрахань, изъ Астрахани въ Петербургъ. Онъ слабый, сланный, лишенный силъ,

Бѣдный Думбадзе...

Мы смѣялись надъ нимъ, подтрунивали, язвили, унижали его, но это дѣлалось нами тогда, когда онъ былъ у власти, полный силы и сознанія своего могущества. Мы рисовали на него одну карикатуру—онъ высылалъ десятокъ евреевъ, мы писали о немъ фельетонъ—онъ закрывалъ ялтинскую газету, сжигалъ чей нибудь домъ и высылалъ сотню евреевъ.

Силы наши были неравны. Перевѣсъ былъ на его сторонѣ.

Теперь мы больше не посмѣемся надъ нимъ—надъ одинокимъ, оставленнымъ старикомъ.

О, если бы мы сейчасъ встрѣтились съ нимъ! Не сказали бы мы, подобно Тарасу:

— Что, сынку, помогли тебѣ твои связи?

А, молча, прижали бы его старую голову къ своей груди и плакали бы вмѣстѣ съ нимъ, и простили бы ему... Потому что—нѣтъ злобы къ падшимъ.

И не смѣхъ на нашихъ устахъ... Можно ли засмѣяться при видѣ стараго, почтеннаго человѣка, который натягиваетъ клѣтчатыя брюки англійскаго туриста?.. Сколько долженъ былъ передумать этотъ человекъ, пока ни рѣшился на такой поступокъ? Нѣтъ! Не костюмъ онъ переодѣлъ, господа, а душу свою снялъ и натянулъ другую, чуждую, страшную, неуютную...

Зубоскалы изъ дешевыхъ плохихъ газетокъ! Поймете ли вы трагедію этого человѣка, который расхаживалъ по Ялтѣ, какъ по своей спальнѣ и, какъ клоповъ на стѣнахъ, давилъ негодныхъ ему лицъ, а теперь этотъ человекъ тихонько пріѣзжаетъ въ чужіе города, съ робкимъ, молящимъ взоромъ, одѣтый, какъ британецъ въ оперѣ «Фра-Дьяволо», и предъ-

являетъ въ гостинницахъ паспортъ... Зубоскалы изъ дешевыхъ газетъ! Знаете ли вы что такое:

— Паспортъ Думбадзе!

Вѣдь это какъ легенда: паспортъ Думбадзе. Уродливая сказка; третья нога у человѣка.

И теперь эта третья нога выросла у человѣка въ клѣтчатою костюмѣ. И эта нога уже больше ничего не хочетъ, кромѣ одного—чтобы ее скорѣе прописали, а обладателя ея оставили въ покоѣ.

О, Думбадзе! Христіанскій Богъ — не еврейскій Іегова-Богъ мести... А то бы онъ заставилъ до конца испытать твою чашу горечи: въ еврея обратилъ-бы онъ тебя и въ тѣ города послалъ тебя, гдѣ наткнулся-бы ты на черту осѣдлости...

А что ты дѣлаешь, горемыка, когда остаешься одинъ ночью въ номерѣ скверной гостинницы, одинъ со своими думами и картинами прошлаго? Мечешься-ли ты, какъ тигръ въ клѣткѣ — изъ угла въ уголь, или лежишь, притаившись, на краю холодной постели, въ то время, какъ твоя теперешняя оболочка—клѣтчатыи англійскій костюмъ—виситъ въ углу, съжившаяся, похожая на висѣльника...

И если тебѣ въ твоихъ безрадостныхъ скитаніяхъ попадется этотъ номеръ журнала—поплачемъ вмѣстѣ—ты самъ о себѣ, мы—о тебѣ, о бѣдномъ генералѣ въ клѣтчатою костюмѣ...

*

Зубоскалы изъ дешевыхъ газетокъ! Развѣ поймете вы состояніе души человѣка, который въ своихъ скитаніяхъ видитъ, какъ его бывшіе товарищи десятками высылаютъ людей, а онъ бродитъ около, одинокій, безсильный и никого не можетъ выслать...

Изрѣдка только робко дернетъ онъ сзади администратора за фалду и заискивающе попроситъ:

— Дай, и я кого-нибудь вышлю. Давненько я не высылалъ... Чего-то и мнѣ захотѣлось.

Но не дастъ администраторъ голодному Думбадзе ни единаго человѣка для высылки...

— Эге,—скажетъ,—ловкій какой! Получишь себѣ губернію—тогда и высылай...

Ничего не скажетъ Думбадзе. Только улыбнется криво. О, эта улыбка!

Нѣтъ, не врагъ ты намъ... Горе твое примирило насъ съ тобой.

И мы понимаемъ старческую привычку и слабость твою, и прощаемъ ее и если хочешь ты высылать,—дадимъ мы тебѣ теплый уголь, кусокъ хлѣба и любимую работу: высылай нашъ журналъ подписчикамъ и—да успокоятся старыя кости...

Фома Опискинъ.

Рис. Миссъ.

ИЗЪ ГЕРМАНИИ.

III.

Въ нѣмецкой Меккѣ.

1. Домъ Шиллера.

Нѣмцы надышали въ крошечномъ покоѣ. Плотные блондины смотрятъ сквозь очки. Подъ стекломъ въ витринахъ тлѣютъ на покоѣ Бѣдные безсмертные клочки.

Грязный бюстъ изъ гипса бѣлыми очами Гордо и мертво косится на толпу. Стѣны пропитались вздорными рѣчами— Улица прошла сквозь львиную тропу...

Смотрятъ съ каталогомъ на его перчатки... На стѣнахъ портретовъ мертвое клише, У окна желтѣетъ жесткою загадкой Геніальный черепъ изъ папье-маше.

Въ угловомъ покоѣ тихо и пустынно (Нѣмцамъ интереснѣй Шиллеровскій хламъ): Здѣсь шагаль титанъ по клѣткѣ трехъаршинной И скользилъ глазами по угламъ.

Нищенское ложе съ рванымъ одѣяломъ. Ветхихъ, сѣрыхъ книжекъ бесполезный рядъ. Дряхлыя портьеры прахомъ обветшалымъ Ключьями надъ окнами висятъ.

У стѣны грустятъ нѣмцы клавикорды. Спитъ рабочій столъ съ чернильницей пустой. Больше никогда поюшіе аккорды Не родятъ мечты свободной и простой...

Дочь привратницы съ ужасною экземой Ходитъ слѣдомъ, улыбаясь, какъ Пьерро. Надъ какою новою поэмой Брошено его гусиное перо?

Здѣсь писалъ и умеръ Фридрихъ Шиллеръ... Я купилъ открытку и спустился внизъ. У входныхъ дверей какой-то толстый Миллеръ Въ книгу заносилъ свой титулъ и девизъ...

2. Домъ Гете.

Кто здѣсь жилъ—камергеръ, Донъ-Жуанъ иль патрицій, Антикварій, художникъ, сухой лаборантъ? Въ каждой мелочи чванство вельможныхъ традицій И огромный, пыльный и зоркій талантъ.

Ордена, письма герцоговъ, перстни, фигуры, Табакерки, дипломы, печати, часы, Акварели и гипсы, полотна, гравюры, Минералы и колбы, таблицы, вѣсы ..

Маска Данте, Тарквиній и древніе боги, Бюстовъ герцоговъ съ женами—цѣлый лабазъ. Со звѣздой, и въ халатѣ, и въ лаврахъ, и въ тогѣ— Снова Гете и Гете—съ мѣшками у глазъ.

Силуэты изысканно-томныхъ любовницъ, Сувениры и письма, сухіе цвѣты— Все открыто для праздныхъ входящихъ коровницъ До послѣдней интимно-пугливой черты.

Вотъ за стеклами шкафа опять панорама: Шарфъ, жилеты и туфли, халатъ и штаны. Гдѣ же локонъ Самсона и черепъ Адама, Глазъ Медузы и пухъ изъ крыла Сатаны?

Въ кабинетѣ уютно, просторно и просто. Мудрый Гете сюда убѣгалъ отъ вещей, Отъ пріемовъ, улыбокъ, привѣтствій и тостовъ, Отъ случайныхъ назойливо-цѣпкихъ клещей.

Въ тѣсной спальнѣ кресло, лекарство и чашка. «Больше свѣта!» Въ отвѣтъ, наклонившись къ нему, Смерть, смѣясь, на глаза положила костяшки И шепнула: Довольно! Пожалуйте въ тьму...

Въ корридорѣ я замеръ въ смертельной тревогѣ— Блѣдный Пушкинъ, какъ тѣнь, у окна пролетѣлъ И вздохнулъ: «Замѣчательный домикъ, ей-Богу! Въ Петербургѣ такого бы ты не имѣлъ»...

Саха Черный.

Рисунок Александра Яковлева.

ЛЯГУШКА И ЖУРАВЛЬ.

(басня).

На кочку взгромоздясь, среди болотъ родныхъ,
Солисть лягушачьей породы
Пѣлъ сводъ небесъ, и лѣсъ, и воды,
И говоръ камышей ночныхъ
Въ часы шумливой непогоды...

Случился тутъ журавль—не въ духѣ сильно былъ—
И тотъ же часъ бѣднягу проглотилъ...
— «За что?..»—страдальца тѣнь твердитъ ему съ укоромъ.
— «За то, что не поешь ты... хоромъ!»

Сказали мнѣ: «Мудрецъ, клеймишь ты насъ за что?»
.....
И гордо я отвѣтствовалъ:

— «За то!

Иванъ Кузьм. Прутковъ.

ОТЧЕГО У ВОРОНЫ ГОЛОСЪ ПРОПАЛЪ.

Въ незапамятное время, когда по всей землѣ теплынь стояла, бананы росли, ананасы, финики и фиги, а изъ деревьевъ ликеры сочились,—ворона пѣла не хуже соловья, а такъ же.

Была небольшая разница, но развѣ это большая разница?

Только и разницы всей, что у вороны былъ баритонъ, а у соловья — теноръ. И соловей, и ворона въ главной оперѣ пѣли и своихъ «истокъ» среди птицъ вдосталь имѣли.

Впрочемъ еще была небольшая разница: ворона пѣсни собственного сочиненія распѣвала, а для соловья романсы сочиняли и Ночь, и Луна, и Любовь.

И это еще не все: такъ какъ слушатели прекрасно знали и ночь, и луну, и любовь,—поэтому слушали соловьиныя пѣсни, какъ что-то родное, близкое, свое собственное.

А ворона пѣла—никому не интересно—сама знала о чемъ: о жизни вообще, о счастья вообще и общемъ слиянii...

Просто-напросто душу свою изливала, чистый восторгъ выражала передъ миромъ... Одинока была въ своемъ творествѣ.

Съ каждымъ годомъ ворону все меньше и меньше слушали, пока всеобщей забастовки не устроили.

Пришлось воронѣ въ отставку выйти: такъ попросили въ главной оперѣ.

А соловей пуще прежняго разливается. Во всѣхъ граммофонахъ его трели и руды вертятся. Рты отъ соловьиныхъ пѣсенъ сами раскрываются безъ всякихъ просьбъ, уши растутъ безъ всякаго приглашенiя не по днямъ, а по часамъ. Поклонниковъ у соловья столько народилось, что яблокамъ некуда было падать—прямо въ чей-нибудь ротъ попадали. Во всѣхъ газетахъ только о соловьѣ и писали, всѣ поэты воспѣвали въ стихахъ лишь соловья, памятники соловью въ видѣ большой, золотой клѣтки соорудили, а въ школахъ дѣтишки на всѣхъ урокахъ распѣвали—«соловей мой, соловей»...

Осталась ворона въ одиночествѣ. Холодно ей, зябко и сыро. Голосъ простудила, совсѣмъ охрипла, почернѣла отъ птичьей клеветы, жизнь проворонила. Каркнула первый и послѣднiй разъ и умерла. Нашли ворону подъ кустомъ, дохлой и мокрой!..

Тутъ бы и сказкѣ конецъ, а, на самомъ дѣлѣ, здѣсь сказка начинается:

Когда кончилось теплое птичье царство, ворону по необходимости возродили и отправили жить въ назиданіе людямъ.

Ходитъ ворона по дворамъ, какъ неприютный шарманщикъ, шатается по задворкамъ, питается ужасъ чѣмъ, раскрываетъ клювъ время отъ времени и хрипло каркаетъ.

Даже чижики желторотый, желтобрюхий, все понимаютъ, усмѣхаются:

— Что? Проворонила голосъ?.. Не хотѣла поддѣлаться, не старалась быть какъ всѣ, каркай, какъ никто! Нѣтъ, голубушка, шалишь, не проведешь! Намъ, дружище, не надо одинокихъ, подавай одинаковыхъ!.. Захотѣла быть ни на кого не похожей — стала ни на что не похожей!.. Тоже проповѣдница, учительша, чтобъ тебя вымочило!

Вздумала ворона возразить, много-много сказать, развела мокрыми крыльями, раскрыла ротъ и... каркнула.

Засмѣялся чижики такъ, что даже зацѣл:

— Хе-хе! Хе-хе! Хе-хе! Хе-хе!.. Вотъ это гениально!..

Закашлялся отъ смѣха.

Посрамлена ворона отъ вѣка и до вѣка.

А соловей до тошноты всѣмъ извѣстенъ, до оскомины знаменитъ.

Развѣ вы не читали сегодня въ газетахъ восторженныхъ отзывовъ о его послѣднемъ, вчерашнемъ триумфѣ?

Конечно читали, чего ужъ тамъ!..

Полярный.

ЗАЙЧИКИ НА СТѢНѢ.

Многіе доктора, даже не примѣняя къ своимъ больнымъ препарата «боб» — оставляютъ ихъ съ носомъ..

Про городского голову Глазунова кто-то сказали:

— Вотъ человѣкъ, который хороше, пока отъ глазу новъ.

Одинъ биржевой игрокъ, сидя въ театрѣ на «Евгеніи Онѣгинѣ», вскричалъ послѣ выстрѣла Онѣгина на дуэли:

— Ой! Первый разъ вижу, чтобы Ленскіе падали!!

ХРОНИКА.

Опасный рецидивистъ. Какъ ожидаютъ, осенью Гучковъ снова займетъ постъ председателя Думы.

Стихійное бѣдствіе. Надъ страной съ ужасающей силой пронесся урожай. Убытки пока еще не выяснены.

Новое о лунѣ. Вчера вечеромъ, проходившая по Невскому публика могла любоваться рѣдкимъ зрѣлищемъ. Съ невѣроятной высоты по воздуху летѣлъ къ землѣ какой-то человѣкъ. Онъ назвался интендантскимъ ревизоромъ. Какъ выяснилось, незнакомецъ свалился съ луны.

Къ оздоровленію города. Послѣднее письмо Меньшикова къ «ближнимъ» было на пятьдесятъ строкъ короче обыкновеннаго.

Репортеръ С.

ВЪ БУРЮ.

Предъ нами море свирѣпящее

Катило грозно бѣляки,

А небо сѣрое, темнѣющее

Казало молніи клыки.

«Она», по-сѣверному матовая

Тянулась вся къ моей рукѣ.

Когда волна, къ ногамъ подкатывая,

Змѣей шипѣла на пескѣ;

Взвивалась шаль и юбки газовыя,

Какъ флаги, бились у боковъ.

Я говорилъ, рукой показывая

На вакханалію валовъ:

«Довольно мрачными затворниками

Мы жили въ склепахъ городскихъ!—

Возьмемся вольными поморниками

Надъ дикимъ бѣгомъ горъ морскихъ...
Летимъ!.. Стихіей зачарованные...»

Она прервала: «Для чего?—

Пусть лучше опыты рискованныя

Предпринимаетъ Блеріо!..»

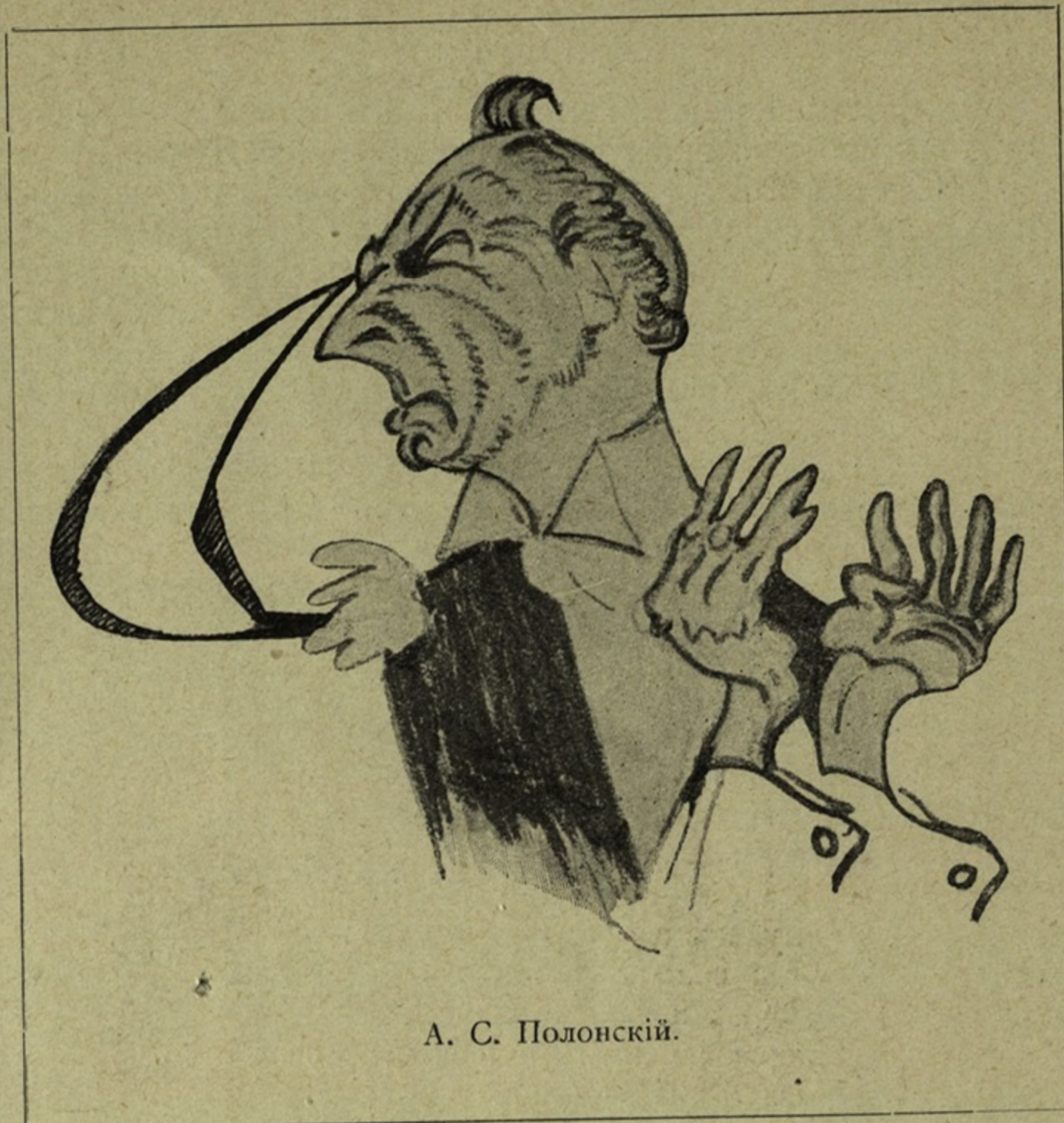
Красный.

Рис. Ре-Ми.

ИЗЫСКАННЫЙ СТОЛЪ.

Городская дѣвочка:—На первое—пусть ваша лошадка простое сѣно скушаетъ, а на сладкое мы ей дадимъ мамину соломенную шляпу.

А. С. Полонский.

ЛѢТНІЙ ТЕАТРЪ „БУФФЪ“

БЕНЕФИСЬ А. С. ПОЛОНСКАГО. (Веселая и Малабарская—вдовы).

Когда я приѣхалъ въ «Буффъ», то рѣшилъ такъ:
— До начала еще минутъ пятнадцать. Зайду-ка я въ уборную бенефицианта, убью эти пятнадцать минутъ въ тихой бесѣдѣ съ нимъ и сокращу, такимъ образомъ, невыносимо тянувшееся для него время до начала спектакля.

Ну, пошелъ.

Дверь въ уборную была открыта и я, заглянувъ туда, увидѣлъ слѣдующее: въ маленькой комнаткѣ мелькало что-то черное, что-то бѣлое, что-то розовое, а что это было—за быстротой его движеній никакъ нельзя было разобрать. При подъемѣ аэроплана есть такой моментъ, когда пропеллеръ, благодаря сильному вращенію, перестаетъ быть видимымъ.

У меня зарябило въ глазахъ. Я съ интересомъ спросилъ:
— Что это такое?

— Полонскій одѣвается.

— Это вы, Полонскій? Куда-же вы такъ спѣшите?

Пропеллеръ сталъ замедлять движеніе, взмахи его стали тише, тише, и, наконецъ, я увидѣлъ бенефицианта почти въ спокойномъ состояніи. Онъ еще по инерціи немного пошатался и—остановился.

— А, здравствуйте! Не здѣсь закалывай... выше! Позовите Мишу. Стулъ! Манишку давай! Чѣрртъ! Здравствуй, милый! Сту-у-уль!! А гдѣ Сидоровъ? Да не такъ!! Держи жилетъ — руки просовывать буду. Позовите Игнатова! А гдѣ Яковъ? Панфиловъ! Розыщите сейчасъ-же Панфилова!

Ногу онъ всовывалъ въ брюки, рукой писалъ какую-то записку, а голову наклонилъ къ стакану съ кофе, стоявшему на столѣ, и тянулъ изъ него большими глотками, крича во время передышки:

— Саве-елій! Пришелъ Карпухинъ? Одѣвается Карпухинъ?

— Онъ сегодня выпили. Не могутъ быть по болѣзни.

— Кто? Карпухинъ? Пьянъ? Дайте стулъ!

— Кто? Карпухинъ? Пьянъ? Дайте стулъ!

Здравствуй, милый! Илья! Возьми записку! Да какъ-же Карпухинъ сегодня пьянъ? Я рассчитывалъ, что онъ завтра будетъ пьянъ?! Что это они, чертъ ихъ возьми! Хотя-бы очередь установили: а то и Карпухинъ пьянъ и Заболтайскій...

— Заболтайскій не пьянъ. Онъ сегодня пришли и уже одѣваются.

Г. Рутковскій (Бульбумъ).

— Какъ, одѣвается?! Значитъ, онъ не пьянъ?! Да вѣдь я рассчитывалъ, что онъ будетъ пьянъ, и позвалъ вмѣсто него другого... Куда-же мы дѣнемъ другого?!!

— Поставьте этого другого на мѣсто Карпухина,— посоветовалъ я,— а Заболтайскому сдѣлайте выговоръ, что онъ не пьянъ...

— Саве-елій!! Позови Заболтайскаго!! Стулъ!! Почему не дали стулъ?! Позвоните Блямбину, чтобы сейчасъ-же... Эй, стулъ! Кто? Что нужно?! Какую контромарку? Кому? Кто такой? Извините, не знаю!

— Саша, что ты... Это же я, твой другъ. Что ты!

— А-а, Володя... Здравствуй, милый. Яковъ, стулъ! А гдѣ же Игнатовъ? Садись, милый... Ну, какъ пожива... Что еще? Кто? Контромарку? Кому?

— Дама тамъ... просятъ. Тромбонистъ.

— Почему тромбонистъ?

— Да такъ. Специальность.

— Да кто проситъ-то?

— Дама-жъ.

— Да тромбонистъ-то кто?

— Который въ оркестрѣ.

— Ему что нужно?

— Ему ничего и не нужно. Это ей.

— Чего жъ ты тромбониста путаешь?

— Я не путаю. Это она съ нимъ спуталась. Вродѣ какъ жена. Посадить просятъ.

— Дай карандашъ! Куда, ч-чертъ?! Лѣвый ботинокъ на правую ногу?! Ну, какъ поживаешь, доро... Что еще?!

— Контромарку.

— Кому?!!

— Господинъ. Въ траурѣ. Дѣтей, говоритъ, лишился, жены. Обязаны, говорятъ, помогать другъ другу. Одно мѣсто просятъ. По случаю эпидеміи.

Изъ коридора донесся болѣзненный крикъ:

— Пожалуйста на сцену?!

— Посто-о-ойте!

Въ одномъ ботинкѣ, безъ пиджака перелетѣлъ бенефициантъ, черезъ склоненнаго портного и, промелькнувъ мимо насъ, исчезъ во тьмѣ коридора.

Г. Коржевскій (Зизибаръ—приказчикъ).

— Что случилось?—спросилъ я, когда онъ влетѣлъ обратно и, обрушившись на стулъ, вцѣпилъ обѣими руками въ гримировальные карандаши.

Г-жа Вяльцева (Гата-Лили).

— Актриса молодая. Неопытная. Прощелъ съ ней еще разъ одну сцену... Да гдѣ же это Игнатовъ?!! Позвонили Блямбину? Сту-уль!

И вот выходить режиссеръ, администраторъ и актеръ на сцену.

Стуль, Блямбины и Игнатовы остались позади. На сценѣ искренне-веселый жизнерадостный старикъ—посланникъ Мирка Чета, съ тонкимъ, подвижнымъ лицомъ и беззаботнымъ весельемъ въ глазахъ. Въ игрѣ благородный художественный шаржъ, масса прелестныхъ интонацій—и много таланта, блещущаго, какъ солнце въ рѣчной ряби.

Ни къ кому такъ ни пристала кличка «любимецъ публики», какъ къ нему. Любовь самая вещественная. Сдѣлали ему шеститысячный, безпримѣрный сборъ, осыпали подарками и кричали, рискуя глотками:

— Браво, Полонскій!

И не знаетъ публика, что этотъ самый веселый, танцующій старикъ три минуты тому назадъ бѣгалъ въ одномъ ботинкѣ по сценѣ передъ опущеннымъ занавѣсомъ, натаскивая молоденькую актрису, розыскивалъ Карпухина, звонилъ къ Блямбину, кричалъ, вертѣлся, какъ бѣсъ передъ заутреней, и катался по всѣмъ угламъ кулисъ, какъ одинъ сплошной клубокъ нервовъ.

Остановите такого человѣка въ его стремительномъ движеніи, дайте ему дня три абсолютнаго покоя — и онъ умретъ. Боже мой... Всѣ мы—люди, стоящіе у искусства—живемъ по инерціи, всѣ мы летимъ отъ невѣдомаго толчка, разъ навсегда даннаго намъ невѣдомо къмъ. И долетаемъ такъ до—смерти.

Взрывы веселаго смѣха прерываютъ веселую игру веселаго Полонскаго.

Но—занавѣсъ опускается... Онъ еще не доползъ до полу на аршинъ, какъ посланникъ Мирка-Чета кубаремъ летитъ за кулисы и кричитъ усталымъ, торопливымъ голосомъ:

— Игнатова!! Нашли Игнатова? Гдѣ-же Блямбинъ. чертъ возьми!.. Какую контромарку? Здравствуй, милый... ну, какъ пожива... Стуль!

Ихъ было трое въ этотъ вечеръ: бенефициантъ и двѣ вдовы—веселая и Малабарская. Обѣ вдовы были такъ прелестны, такъ обаятельны, веселы и, главное, такъ молоды, что публика можетъ быть спокойна за себя: она не скоро еще овдовѣетъ.

Ave.

Г. Клементьевъ (во время подачи совѣта—качаться на качеляхъ).

Т Е М Н Ы Е.

(съ натуры).

Дворъ Михайловскаго монастыря.

На скамейкѣ сидитъ баба. Подходить, кряхтя, дѣдъ.

Молчаніе.

— А послушайте, дѣдъ, вы, вѣрно, тамбовскій?

— Какой тамъ тамбовскій,—саратовскій... Съ тыщу верстъ будетъ.

Молчаніе.

— А что, дѣдъ, не встрѣчали вы человѣка съ тамбовской губерніи?

Надо замѣтить, что въ Кіевѣ, по монастырямъ, тысячи и тысячи богомольцевъ.

— Мало ли ихъ тамъ, тамбовскихъ,—раздумчиво сказалъ дѣдъ.—Одного видѣлъ...

— А какой?—въ радостномъ волненіи вскрикнула баба.—Еще рубаха такая табачная?

— Да, да...

— Ну, такъ это онъ же и есть! И шляпа на головѣ?

— И шляпа...

— Ну, онъ самый. А гдѣ жъ онъ сейчасъ?

— Да не знаю. Онъ на пароходъ собирался.

— Э, такъ это-жъ не онъ,—тономъ полнаго разочарованія протянула баба.

— А что-жъ такъ?

— Да на что-жъ онъ поѣдетъ? Развѣ-жъ у него деньги есть?

Молчаніе.

Потомъ бабу осѣнила какая-то мысль.

— А что онъ, босый?

— Босый...

— Ну, такъ что-жъ ты говорилъ-то? Онъ самый и есть.

— Ну?

— Да вѣрно. Значитъ сапоги на билетъ продалъ.

Свидѣтель.

И Д О Л Ъ.

Когда я вскочилъ на площадку конки отъ Нарвскихъ воротъ, въ ней сидѣла только одна женщина.

Въ виду этого, я не счелъ нужнымъ справиться у кондуктора, есть ли въ вагонѣ свободное мѣсто и, усѣвшись напротивъ, сталъ читать передовую статью въ газетѣ «Рѣчь».

Это невинное само по себѣ занятіе я разнообразилъ еще тѣмъ, что время-отъ-времени замазывалъ карандашомъ буквы съ дырочками внутри и радовался, когда ихъ оказывалось въ какомъ-нибудь словѣ большинство.

Въ этотъ день мнѣ такъ везло, что я почти не разстроился, но на слѣдующей остановкѣ на мою скамейку сѣлъ господинъ съ еще не старымъ младенцемъ на рукахъ, крѣпко закупореннымъ резиновой пробкой съ костянымъ колечкомъ.

Рядомъ съ нимъ сѣла его жена, еще недавно, повидимому принимавшая дѣятельное участіе въ рожденіи младенца и потому имѣвшая замѣтно несвѣжий видъ.

Я искоса посмотрѣлъ на пробку, и мнѣ вдругъ показалось, что она плохо забита и можетъ выскочить изо рта при первомъ прыжкѣ конки.

При этой мысли у меня похолодѣли ноги, и буквы съ дырочками перестали меня захватывать...

Эта пытка не могла продолжаться долго.

Я сдѣлалъ веселое, плутовское лицо и, хитро подмигнувъ родителямъ, потрогалъ рукой колечко.

Нѣтъ, пробка была закупорена хорошо, пожалуй, даже при помощи машинки.

На всякій случай я прижалъ ее покрѣпче, полагая, что масло каши не испортитъ. Но оно испортило.

Младенецъ неожиданно откинулся на грудь ласкаваго меня взглядомъ отца, и пробка осталась висѣть на моемъ пальцѣ.

Невѣрными руками я пробовалъ снова заткнуть отверстие, но съ ужасомъ замѣтилъ, что пробка уменьшилась въ два раза и продолжала таять на моихъ глазахъ.

Потомъ я догадался, что это увеличивался его ротъ и вмѣстѣ съ тѣмъ услышалъ страшный ревъ, который, такъ дѣйствуетъ всегда мнѣ на нервы.

Поэтому, я нисколько не удивился вызванному мной отвращенію среди присутствующихъ.

Я забился въ самый далекій уголокъ конки, рядомъ съ кондукторскимъ чайникомъ, и остановившимися глазами наблюдалъ, какъ они пробовали снова заткнуть отверстие.

Это была дьявольская работа.

Ротъ его становился все больше и больше, пока не сдѣлался равнымъ всей головѣ его.

Еще минута, и я сталъ бы бросать въ него все, что было около. Часы, фуражку, перочинный ножикъ, скамейку...

Лишь бы заполнить эту зияющую пропасть, со дна которой раздавался дикій ревъ, заставившій меня вспомнить о Пророкѣ Даниилѣ во рвѣ, наполненномъ львами.

Къ счастью, это оказалось лишнимъ, такъ какъ у женщины нашлось громадное яблоко, сдѣланное какъ разъ по мѣркѣ.

Черезъ мгновеніе ребенокъ умолкъ, а черезъ другое, воспользовавшійся случаемъ отецъ снова забилъ его пробкой, переложивъ яблоко ему въ руки.

Послѣ этого всѣ радостно закивали, а я захохоталъ во все горло, такъ что испугалъ лошадей и заставилъ всѣхъ принять меня за хорошаго малаго.

Мой восторгъ привлекъ на себя вниманіе младенца, и онъ послѣ небольшого колебанія изо всѣхъ силъ бросилъ мнѣ яблоко въ носъ.

Инстинктивно я хотѣлъ убить его на мѣстѣ возвратнымъ ударомъ, но, вмѣсто этого, замоталъ головой и полѣзъ за яблокомъ подъ скамейку, оглашая конку радостнымъ визгомъ.

Я подалъ яблоко въ самыя руки младенца, растрогавъ этимъ до слезъ мать, въ то время, какъ отецъ началъ тихонько скулить, а женщина одобрительно кивать головой.

По ея лицу я догадался, что она уже начинала раскаиваться, что не вышла за меня замужъ, но теперь это было поздно, потому что мать ребенка уже показала ему на меня пальцемъ, какъ на жениха.

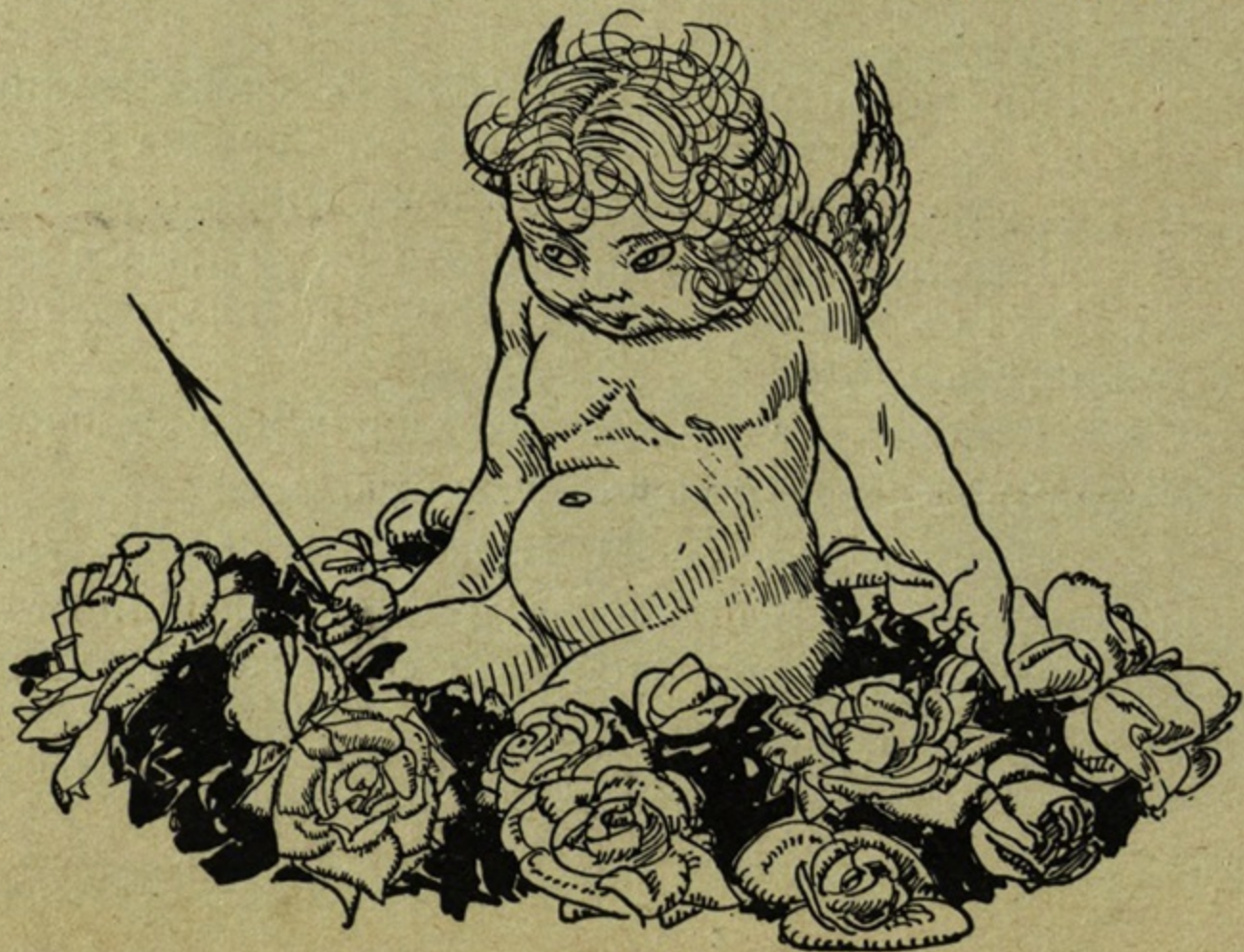
Я поблѣднѣлъ, но не посмѣлъ просить ее отсрочить нашу свадьбу.

Когда они доѣхали, я помогъ имъ вылѣзть изъ вагона и усадилъ на извозчика; а когда они поѣхали, еще долго бѣжалъ рядомъ съ ними по тротуару, дѣлая пальцами козу и отвратительно сюсюкая.

А младенецъ смотрѣлъ на меня не мигая, болтая кольцомъ своей пробки.

Когда онъ свернулъ за уголъ и больше меня не видѣлъ, я показалъ ему кулакъ и проворчалъ нѣсколько словъ.

Г. Ляндау.

* * *

Валентинъ говоритъ о сестрѣ въ кабацѣ,
Выхваляетъ ея станъ и лицо,
А у Маргариты на лѣвой рукѣ
Появилось дорогое кольцо.

А у Маргариты спрятанъ ларецъ
Подъ окномъ въ зеленомъ плющѣ,
Ей приноситъ такъ много серегъ и колець
Злой насмѣшникъ въ красномъ плащѣ.

Хоть высоко окно въ Маргаритинъ пріютъ,—
У насмѣшника лѣстница есть,
Пусть такъ звонко на улицахъ студенты поютъ,
Прославляя Маргаритину честь,—

Слишкомъ ярки рубины и томень апрѣль,
Чтобъ забыть обо всемъ, не зная ничего,
Марта гладитъ любовно полный кошель,
Только... сѣрой несетъ отъ него.

Валентинъ, Валентинъ, утай свой позоръ,
Ахъ, чего не бываетъ въ лѣтнюю ночь!
Ужъ на что Риголетто былъ горбатъ и хитеръ,
И надъ тѣмъ насмѣялась дочь.

Грозно Фауста въ бой ты зовешь... но вотще!
Его нѣтъ! Его выдумалъ дѣвичій стыдъ!
Лишь насмѣшника въ красномъ и дырявомъ плащѣ
Ты найдешь... и ты будешь убить.

Н. Гумилевъ.

ГОРОШИНЫ.

(мелочи журналистики).

Въ «Новомъ Времени» помѣщена критическая статья А. Бурнакина о первой книгѣ рассказовъ Арк. Аверченко... Въ началѣ статьи авторъ энергично заявляетъ:

— ...Чертъ возьми! Жизнь не игра въ винтъ и литература не анекдотъ!

А въ концѣ приводитъ примѣръ неправильности языка Аверченко: «попробовалъ ногой температуру».

Конечно, такъ нельзя сказать, но у Аверченко и сказано иначе:

— Попробовалъ голой ногой температуру воды.

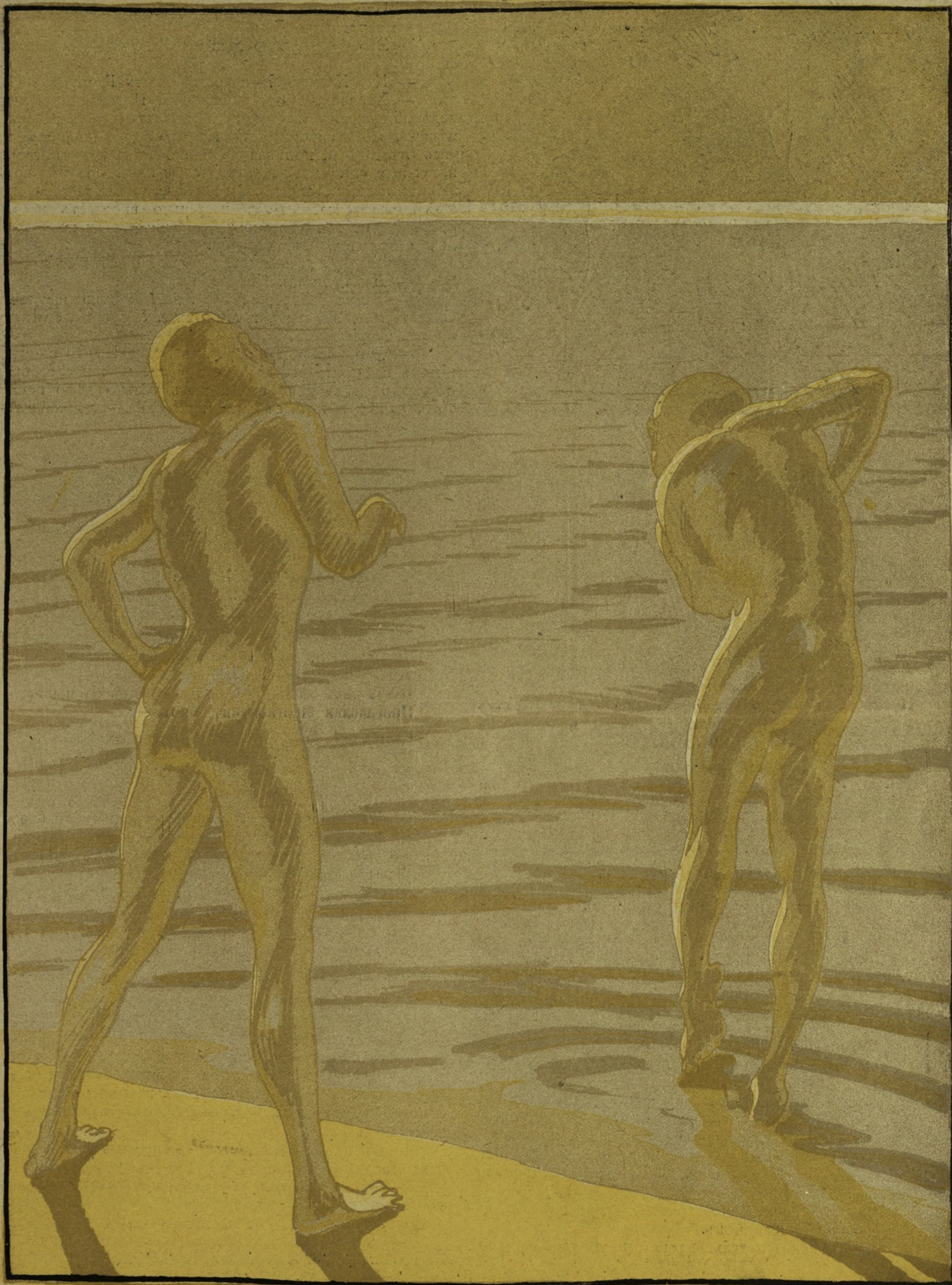
Да. Литература не карточная игра, и пусть новременскій критикъ благословитъ за это Провидѣніе: въ литературѣ можно безнаказанно передергивать, не рискуя, что замѣтившій это:

— «Попробуетъ голой рукой температуру головы».

Въ другой критической статьѣ объ Арк. Аверченко «Вятская Рѣчь» № 124) критикъ пишетъ — ни болѣе, ни менѣе—слѣдующее:

— Тенденція автора изображать учащуюся молодежь то въ видѣ мошенниковъ или надувалъ (какъ, на примѣръ, въ «Кривыхъ углахъ»), то въ видѣ жестокихъ корыстолюбцевъ (какъ въ «Красивой женщинѣ») едва-ли можетъ быть оправдана какими-нибудь идейными мотивами.

Обидѣлся молодой человекъ за своихъ товарищей по гимназіи...

ВОЗДУШНЫЙ ЗАМОКЪ.

- Интересно, водятся-ли здѣсь устрицы?
- А что?
- Если-бы онѣ здѣсь водились, да если-бы найти одну, да чтобы въ ней оказалась жемчужина, да продать ее...
- Ну?
- Было бы на что намъ съ тобой купить папиросъ.

НА ДАЧНОМЪ БАЛУ.

Рис. А. Яковлева.

СВѢТСКАЯ ИЗЫСКАННОСТЬ.

— Отчего вы такой грустный?
— О, вы объ этомъ никогда не догадаетесь: держу пари а—дискресюнъ на полтора цѣлковыхъ!

МОЛОДОСТЬ.

ГЛАВА I. НЕХОРОШІЙ ХАРЧЕНКО.

Сидя верхомъ на стулѣ, Подходцевъ говорилъ:

— Безобразіе, которому имени нѣтъ. Свѣтъ измѣнился къ худшему. Все проваливается въ пропасть, народъ нищаетъ, всѣ капиталы скопляются въ рукахъ нѣсколькихъ лицъ, а мы не имѣемъ даже пяти рублей, чтобы принять и угостить, какъ слѣдуетъ, нашего дорогого гостя.

«Дорогой гость» Громовъ сидѣлъ тутъ-же. Онъ сдѣлалъ рукой умиротворяющій жестъ и добродушно сказалъ:
— О, стойтъ-ли обо мнѣ такъ заботиться... Пара бутылочка шампанскаго, котлетка изъ дичи, да скромная прогулка на автомобилѣ—и я совершенно буду удовлетворенъ.

Подходцевъ, не слушая его, продолжалъ плакаться.

— Что дѣлать? Гдѣ выходъ? Впереди зіяющая бездна нищеты, сзади—разгулъ, пороки и кутежи, разстроившіе мое здоровье...

— Чего ты, собственно, хочешь?—спросилъ его, кусая ногти, толстый Клинковъ.

— Я хотѣлъ-бы и дальше разстраивать свое здоровье кутежами.

— Что-то теперь дѣлаетъ этотъ болванъ Харченко?—вспомнилъ Клинковъ.

— Ты говоришь объ этомъ толстомъ болванѣ Харченко?

Послѣ этого Клинковъ и Подходцевъ принялись ругать Харченко. Стоило имъ только вспомнить о Харченко, какъ они принимались его ругать. Ругать Харченко—былъ хороший тонъ всей компаніи, это былъ клапанъ, съ помощью котораго облегчалось всеобщее раздраженіе и негодованіе на жизнь.

— Жирная, скупая свинья!

— Богатый, толстокожій хамъ.

— Конечно, это ясно. Онъ пользуется нашимъ обществомъ бесплатно!

— Давай брать съ него по пяти рублей за встрѣчу,—предложилъ Клинковъ.

— Или лучше — полтора рубля въ часъ. По таксъ, какъ у посыльныхъ.

— Это баснословно дешево. Подумать—такое общество!

— Кто Харченко?—спросилъ гость Громовъ.

— Харченко? О-о, это штучка. Папенькинъ сынокъ, недалекій парень. Ему отецъ присылаетъ триста рублей въ мѣсяцъ, и онъ проживаетъ все это одинъ, тайкомъ, прятаясь отъ друзей, попивая въ одиночествѣ дорогіе ликеры, покуривая сигары и закатывая себѣ блестящіе пиры. Онъ любитъ насъ, потому что мы веселые, умные, щедрые, когда есть деньги, люди... онъ частенько вползаетъ въ нашу компанію, но какъ только у компаніи деньги исчерпаны—онъ выползаетъ изъ компаніи.

— Такъ онъ, значить, нехорошій человекъ?

— Да, Громовъ. Нехорошій.

— Такъ... Нехорошихъ людей нужно наказывать. Сведите меня къ нему, познакомьте. Устроимъ ему какую-нибудь неприятность.

— Это вѣрно. Ты обратилъ вниманіе что въ компанію къ намъ онъ всегда лѣзетъ, наше изящное, стромное общество забавляетъ его, а какъ только дѣло коснется того, чтобы выпить съ нами и погулять—онъ сейчасъ-же назадъ.

— Давай, надумемъ его. Скажемъ, что ты англичанинъ и ни слова не понимаешь по-русски. Пусть помучается.

— Слабо,—возразилъ Громовъ.—Постойте.

Онъ всталъ и сжалъ руками голову такъ крѣпко, что въ ней родилась мысль... Онъ сказалъ:

— Вотъ что ему нужно сдѣлать...

ГЛАВА II. ПЕРВОЕ НАКАЗАНИЕ ХАРЧЕНКИ.

Харченко занималъ маленькій особнякъ изъ трехъ комнатъ, съ параднымъ ходомъ на Голый переулокъ. Переулокъ этотъ кончался какимъ-то оврагомъ, заросшимъ сорной травой и, «вообще», какъ говорилъ Подходцевъ, «это мѣсто пользовалось дурной славой, потому что здѣсь жилъ Харченко»...

Харченко былъ дома.

— Здравствуй, Витечка,—ласково привѣтствовалъ его Подходцевъ.—Какъ твое здоровье?

— А-а, веселые ребята! Здравствуйте. Чайку хотите?

— Ты насъ извини, Витя, но мы къ тебѣ съ однимъ человеккомъ. Вотъ, познакомьтесь.

Харченко протянулъ Громову руку, а тотъ схватилъ ее, крѣпко сжалъ и неожиданно залепеталъ:

— А-бб-а... Мму...

— Что это онъ?—испугался Харченко.

— Глухонѣмой. Ты его не бойся, Витя. Онъ изъ Новочеркасска пріѣхалъ.

— Да зачѣмъ вы его привели ко мнѣ?

— А куда его дѣвать? Второй день, какъ присталъ къ намъ—вотъ и возимся.

— Вотъ несчастный,—сказалъ сострадательно Харченко, осматривая Громова.—Неужели, ничего не понимаетъ?

— Ни крошечки.

— Гм... И глаза у него мутные-мутные. Совершенно бессмысленные. И ему тоже дать чаю?

— И ему дай. Только ты съ нимъ, Витя, не особенно церемонься... Налей ему чаю въ какую-нибудь коробочку и поставь въ уголку. Онъ вѣдь, какъ животное—ничего не соображаетъ.

— А онъ... не кусается?—спросилъ, морщась, Харченко.

— Ну, Витенька... Ты форменный глупецъ... Гдѣ-же это видано, чтобы глухонѣмые кусались? Ты только не дразни его.

— Чертъ знаетъ! Очень нужно было приводить его. Эй, ты!... А-бб-а! Иди сюда! Кушъ тутъ.

Харченко былъ, дѣйствительно, человеккомъ безъ стыда и совѣсти... Онъ налилъ чаю въ большую чашку съ отбитымъ краемъ, бросилъ въ нее кусокъ сахару и, поставивъ въ уголку на стулѣ, указалъ на нее Громову.

— А-вввв-а... Ххх...—залепеталъ безпомощно Громовъ и замахалъ руками передъ лицомъ Харченки.

— Что онъ?!—закричалъ испуганно Харченко.

— Сахару ему мало положилъ. Не скупись, Витя. Развѣ ты не знаешь, что глухонѣмые страшно любятъ сахаръ?

Какъ будто въ подтвержденіе этихъ словъ, Громовъ подскочилъ къ столу, запустилъ руку въ сахарницу и, вытащивъ нѣсколько кусковъ, набилъ ими ротъ и карманы.

— Видишь?—прищурился Подходцев.

— Да что это вы, братцы,—возмутился Харченко,—привели черт знает кого!.. Скажи ему, Подходцев, чтобы он сидел смирно и пил свой чай.

— А-бб-а!—закричал Подходцев, давая Громову пинокъ.—Ты! Сиди там! Куш! Пей это... чай... понимаешь? Дубье новочеркасское!

Громов покорно пошелъ въ уголокъ, сѣлъ на полъ и, склонивъ голову, сталъ тянуть изъ своей громадной чашки чай. Не растаявшіе куски сахару вылавливалъ руками и, причмокивая, ѣлъ съ громкимъ хрустѣньемъ.

— Форменная обезьяна,—покачалъ головой Харченко и обратился къ намъ.—Что подѣлываете, ребята?

— Ничего, Витечка. Занимаемся, книжечки читаемъ, по бульварчикамъ гуляемъ, котлетки въ рестораникахъ кушаемъ. Скажи, Витечка—ты никогда не травилъ мышей?

— Не травилъ,—отвѣчалъ Харченко.—А что?

— Да понимаешь, завелись у насъ въ квартирѣ мыши. Купилъ я сейчасъ отравы, а какъ имъ ее давать—не знаю.

— А какая отравы?

— Да вотъ взгляни.

Подходцевъ вынулъ изъ кармана маленькій свертокъ съ бѣлымъ порошкомъ и, развернувъ его, положилъ на столъ.

— Какъ же это называется?

— Это, Витенька, вещь вредная, ядовитая. Мышьковистое соединеніе.

Глухонѣмой Громовъ всталъ на ноги, поставилъ пустую чашку въ уголокъ, приблизился къ столу и, увидавъ бѣлый порошокъ, съ радостнымъ бессмысленнымъ крикомъ бросился на него.

— Что онъ дѣлаетъ?!—вскочилъ Харченко.

Было поздно... Громовъ схватилъ горсть «мышьковистаго соединенія» и съ довольнымъ визгомъ, кривляясь, отправилъ его въ широко открытую пасть.

— Сахаръ!!—въ ужасѣ вскричалъ Подходцевъ.—Онъ думаетъ, что это сахаръ!! Остановите его...

Харченко бросился къ Громову, но на пути ему попался Клинокъ; онъ обхватилъ шею Харченки руками и заголосилъ:

— Витенька, миленькій, что же мы надѣлали!..

— Пусти!—бѣшено крикнулъ Харченко и, оттолкнувъ прилипшаго къ нему Клинка, нагнулся къ Громову.

Громовъ лежалъ на коврѣ, пуская изо рта пузыри, и глядѣлъ на Витю, закатившимся бѣлымъ глазомъ. Грудь и животъ его съ хрипомъ поднялись нѣсколько разъ и опали... По всему тѣлу прошла судорога, ноги забились о коверъ и—Громовъ затихъ.

Картина смерти была тяжелая, погрязшая...

Подходцевъ сталъ на колѣни, преклонилъ ухо къ груди усопшаго, перекрестился и, обративъ на Витю полные ужаса глаза, шепнулъ:

— Готовъ.

Харченко захныкалъ.

— Что мы сдѣлали... Зачѣмъ вы его привели?.. Это вы его отравили! Ядъ былъ вашъ!

— Молчи, дуракъ. Никто его не травилъ. Самъ онъ отравился. Клинокъ, положимъ его на диванъ. Дай-ка, Витя, простыню... Надо закрыть его. Гм... Дѣйствительно! Въ пренеприятную исторію влопались.

— Что же теперь будетъ?—въ ужасѣ прошептала Харченко, стараясь не глядѣть на покойника.

— Особеннаго, конечно, ничего, успокоительно сказалъ Подходцевъ:—Ну, полежитъ у тебя до утра, а утромъ пойдешь, заяви въ участокъ. Ты не бойся, Витя. Все равно уликъ противъ тебя нѣтъ. Продержать нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, да и выпустятъ.

— За... что? Въ... тюрьму?..

— Какъ за что? Подумай самъ: у тебя въ квартирѣ находятъ отравленнаго человѣка. Кто? Что? Неизвѣстно. Что ты скажешь? Что мы его привели? Мы заявили, что и не видѣли тебя, и никого къ тебѣ не приводили. Не правда-ли, Клинокъ?

— Конечно. Что намъ за расчетъ... Своя рубашка къ тѣлу ближе.

— А ты, Витя, ужъ выпутывайся, какъ знаешь—жестко засмѣялся Подходцевъ.—Можешь, впрочемъ, разрѣзать его на куски и закопать въ оврагъ. Пойдемъ, Клинокъ.

— Братцы! Господа! Товарищи! Куда жъ вы?! Какъ же я?..

— Какіе мы тебѣ товарищи,—сурово сказалъ Подходцевъ.—Пусти! Идемъ, Клинокъ.

— Нѣтъ, я не пушу васъ, кричалъ Харченко, на-

валиваясь на дверь.—Я боюсь. Вы его привели, вы и забирайте.

— Вотъ дуракъ... Чего тебѣ бояться? Ты привилегированный и получишь отдѣльную камеру; обѣдъ будешь покупать на свои деньги. Да, пожалуй, отецъ и возьметъ тебя на поруки.

— Я покойника боюсь,—рыдая, завопилъ Харченко.— По-кой-ни-ка? Не надо было травить его, и не боялся бы.

— Товарищи! Миленькіе! Заберите его... что хотите—отдамъ...

— Вотъ чудакъ—человѣкъ... Куда-же мы его возьмемъ? Можно было-бы на извозчика его взвалить, да вывести куда-нибудь за городъ и бросить... Но вѣдь извозчикъ-то даромъ не поѣдетъ!

— Конечно!—поддержалъ Клинокъ.—А у насъ денегъ нѣтъ.

— Ну, сколько вамъ нужно?—обрадовался Витя.— Я дамъ. Три рубля довольно?

— Слышишь, Подходцевъ,—горько усмѣхнулся Клинокъ.— Три рубля. Пойдемъ, Подходцевъ... Три рубля! Ты бы еще по таксъ предложилъ заплатить...

Стали торговаться. Несмотря на трагизмъ момента, Харченко обнаружилъ неимоверную скупость, и когда друзья заломили цѣну: сто рублей—онъ едва не упалъ мертвый, рядомъ съ покойникомъ...

Сошлись на сорока рублѣхъ и трехъ бутылкахъ вина. Вино, по объясненію Подходцева, было необходимо для того, чтобы залить воспоминаніе о страшномъ случаѣ и заглушить укору совѣсти.

Подходцевъ взвалилъ покойника Клинка на спину, подошелъ къ Харченко, получилъ плату и, пожимая ему руку, внушительно сказалъ:

— Только чтобы все—между нами! Чтобы ни одна душа не знала! А то: гнить намъ всѣмъ въ тюрьмѣ.

— Ладно,—нервно содрогаясь, крикнулъ Харченко.— Только уходите!

Вышли въ пустынный пореулокъ... Впереди шелъ Клинокъ съ глухонѣмымъ на спинѣ, сзади Подходцевъ съ выторгованнымъ виномъ.

Отошли шаговъ двадцать...

— Опустите меня,—попросилъ покойникъ.—Меня послѣ сахару мучаетъ страшная жажда. У кого вино?

— Есть!—звякнулъ бутылками Подходцевъ.—Въ оврагъ, братцы!

Возвращались въ городъ позднимъ вечеромъ.

— Меня мучаетъ голодъ, который не тетка,—заявилъ Громовъ.

— Къ «Золотому якорю»?—лаконично спросилъ Клинокъ Подходцева.

— Туда.

Ресторанчикъ «Золотой якорь» помѣщался въ подвальномъ этажѣ большого дома. Былъ онъ малъ, дешевъ, изобиловалъ винами, славился своими специальными блюдами и категорической прямыи мрачнаго, [неразговорчиваго] хозяина.

Три друга вошли въ боковую комнатку и велѣли вызвать неразговорчиваго хозяина.

— Здравствуйте, хозяинъ,—небрежно кивнулъ головой Подходцевъ.—Мы были должны вамъ десять рублей, на которые вы, по вашему же выраженію, «махнули рукой». Пусть же эта верхняя конечность, вмѣсто такихъ беспочвенныхъ жестовъ, продѣлаетъ жестъ болѣе соответствующій ея назначенію. Хозяинъ! Протяните руку.

На протянутую руку хозяина легло восемь золотыхъ монетъ.

— Хозяинъ! Двѣ штучки въ расчетъ, шесть штукъ—по нашимъ указаніямъ! Хозяинъ! Я и мои друзья—народъ все упрямый, непоколебимый, съ твердымъ, настойчивымъ характеромъ. Если эти деньги будутъ у насъ—мы ихъ сегодня же прикончимъ. А вы человѣкъ слабохарактерный, мягкій, безвольный, и самъ чертъ не выдеретъ у васъ этихъ монетъ, когда онѣ къ вамъ попадутъ. Поэтому, забирайте ихъ и кормите насъ, покуда хватить. Я думаю, дней пять мы здѣсь протянемъ... А когда деньги кончатся—заявите намъ объ этомъ въ мягкой, деликатной формѣ.

Каменное лицо хозяина не пошевелилось. Онъ сунулъ деньги въ карманъ и, волоча ноги, ушелъ.

Маленькая, темная комната освѣщалась тусклой лампой. На столѣ, вмѣсто скатерти, лежала клеенка, надъ головами нависъ тяжелый каменный сводъ... И, тѣмъ не мене, Подходцевъ, развалившись на диванѣ, заявилъ:

— Какая чудесная погода!

Аркадій Аверченко.

(Окончаніе въ слѣд. №).

ЗАОДНО.

Онъ.—Если вы не умѣете плавать—я берусь поддерживать васъ на водѣ.
Она.—Благодарю васъ... Не возьметесь-ли вы также дѣлать это и на сушѣ?

ПОЧТОВЫИ ЯЩИКЪ „САТИРИКОНА“.

Представленные въ редакцію рукописи не возвращаются (даже при условіи присылки марки на отвѣтъ).

А. Петербургъ.

159. Пустой переулочекъ—Поэту.—
Пустой переулочекъ. Нѣтъ поэта.

Б. Провинція.

160. Кіевъ—Донъ-Диего.—
Мнѣ Виоланта приказала
Составить въ честь ея сонетъ.

А зачѣмъ вы послушались... Думаете, хорошо вышло?

161. Козельскъ—Н. А. Д.—Вы не понимаете слова «цензурно»? Знаете,—такое учрежденіе на Театральной улицѣ есть..

162. Выборгъ—Б. В. Лихову.—И вы не понимаете этого слова. И не знаете этого учрежденія.

163. Москва—Плоссу.—И вы.

164. Тула—Иканурычу.—Видите, какой вы: васъ не напечатали и вы начали ругаться. Стыдно. Если бы вы знали, какъ противна эта обывательская психология.

165. Самара—Ко—и—нору.—«Держите, дорогая—редакція, со мной ухо востро».

Просимъ не распоряжаться нашими ушами.

166. Въ пространство—К. Л. М.—«Тщетно несчастный цыплялся за жизнь!»..

Какъ это—цыплялся?

Не пѣтушиться. Не напечатаемъ.

Ave.

Редакторъ: А. Т. Аверченко.

Издатель: М. Г. Корнфельдъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ
НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ САТИРЫ и ЮМОРА

Сатирикон' 52

(ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

№№ роскошно
иллюстриро-
ванныхъ, въ
краскахъ.

ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ, ВЪ ВИДѢ БЕЗПЛАТНАГО ПРИЛОЖЕНІЯ, РОСКОШНО
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ:

„ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ“

ОБРАБОТАННАЯ «САТИРИКОНОМЪ», ПОДЪ УГЛОМЪ ЕГО ЗРѢНІЯ, — ПОДЪ РЕД. А. Т. АВЕРЧЕНКО.

«ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ» будетъ представлять собой большой томъ, художественно отпечатанный на хорошей бумагѣ, съ массой иллюстрацій лучшихъ русскихъ художниковъ-карикатуристовъ. Хотя наша «Всеобщая исторія» и не будетъ рекомендована Ученымъ Комитетомъ, состоящ. при м-вѣ народн. просвѣщ.,—какъ руководство для учебныхъ заведеній, но эта книга дастъ подписчикамъ единственный случай взглянуть на историческое прошлое народовъ — въ совершенно новомъ и вполнѣ оригинальномъ освѣщеніи.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

На годъ **6** руб., на полгода **3** руб., на 3 мѣс. **1** руб. **50** коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Главной Конторѣ журнала «САТИРИКОНЪ» (С.-Петербургъ, Фонтанка, 80) и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ въ Петербургѣ и провинціи.

ЦѢНА ОБЪЯВЛЕНІИ 40 КОП. ЗА СТРОКУ НОНПАРЕЛИ ВЪ 1/4 СТРАНИЦЫ

ЦѢна отдѣльнаго № 10 коп. Въ провинціи 12 коп.

ОТДѢЛЕНІЕ ДЛЯ РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖИ ВЪ ПРОВИНЦІИ:

Москва—Центр. Экспед. Одесса—Бороховъ. Варшава—Е. А. Морозовъ. Ново-Вилейскъ—Горсковъ. Томскъ—Т-во «Новое Дѣло». Рига—К. И. Бирзгалъ. Саратовъ—П. Ф. Панинъ. Ялта—Ивановъ. Иркутскъ—Т. Д. Хохаевъ. Кутаисъ—Квициридзе. Таганрогъ—Г. С. Половикъ. Владивостокъ—Аг. «Полюза». Черниговъ—М. Н. Кранцъ. Юрьевъ—Ф. Д. Любликъ. Харбинъ—Ш. Т. Щелоковъ. Благовѣщенскъ—Н. С. Смертинъ.

Адресъ Главной Конторы и Редакціи: С.-Петербургъ, Фонтанка, 80. Телефонъ № 524-62.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель М. Г. Корнфельдъ.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ
КНИГА ЮМОРИСТИЧЕСКИХЪ РАЗСКАЗОВЪ

АРКАДІЯ АВЕРЧЕНКО

„ВЕСЕЛЫЯ УСТРИЦЫ“

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА, РАБОТЫ ХУДОЖН. РЕ-МИ и АВТОБИОГРАФІЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ:

Автобиографія. I. ВЪ СВОБОДНОЙ РОССІИ: Исторія болѣзни Иванова. Кто ее продалъ?. Русская исторія. Люди. Почести. Робинзоны. Визитъ. Бѣдствіе. Мученикъ науки. Сперминъ. Октябристъ Чикалкинъ. Невозможное. Звѣринецъ. Пуганица. II. ОКОЛО ИСКУССТВА: Труха. Аполлонъ. Американцы. Подмостки. Проклятіе. Пернатое. Еще воспоминанія о Чеховѣ. Крайнія теченія. Неизлѣчимые. Золотой вѣкъ. Безъ почвы. III. МОИ УЛЫБКИ. Четвергъ. Мозаика. Рубановичи. Четверо. Лѣкарство. Ложь. Визитеръ.

ЦѢна книги въ изящномъ переплетѣ 1 руб. 10 коп.

Желая достигъ большей художественности и изящества своихъ изданій, „Сатириконъ“ рѣшилъ выпускать таковыя исключительно въ переплетяхъ.

Выписывающіе книгу изъ главнаго склада журнала „Сатириконъ“ (С.-Петербургъ Фонтанка, 80.) за пересылку не платятъ.

Отъ издательства „Сатириконъ“:

(Примѣчаніе:—для подписчиковъ и читателей журнала „Сатириконъ“).—Въ книгу „Веселыя устрицы“ вошли рассказы, не появлявшіеся въ журналѣ „Сатириконъ“.

ДЛЯ МАТЕРИ И РЕБЕНКА

лучшее укрѣпляющее средство
Гематогенъ
Д-ра ГОММЕЛЯ.

Предостережение! Требуется настоятельно имя Д-ра ГОММЕЛЯ.

Оригиналъ всегда выше копій.

Американская пишущая машина образцовая

„УНДЕРВУДЪ“

ВПЕРЕДИ ВСѢХЪ

Всемирная побѣда пишущей машины «оригинальной Ундервудъ», первой и образцовой машины съ видимымъ шрифтомъ вызвала множество подражаній въ Америкѣ и Европѣ. Этимъ вся конкурренція сама признала преимущества „Ундервудъ“, что является лучшимъ доказательствомъ образцовой конструкции этой машины, основанной на ея патентованномъ механизмѣ. Въ теченіе 10 лѣтъ продано свыше 300.000 машинъ „Ундервудъ“. Ежедневное производство 300 машинъ. Множество высшихъ наградъ.— Побѣды на состязаніяхъ въ быстротѣ письма. Въ С.-Петербургскихъ главнѣйшихъ Правительственныхъ и частныхъ учрежденіяхъ работаютъ много тысячъ пишущихъ машинъ „Ундервудъ“. Единственный представитель для всей Россіи Г. ГЕРЛЯЖЪ. Варшава, Чистая, 4.—С.-Петербургъ, Караванная II.—Москва, Б. Лубянка 14. Представители во всѣхъ главныхъ городахъ Европ. и Азіатской Россіи.

КРАСИВО и СКОРО ПИСАТЬ въ 8 ру. и дв. ит. бухгалтеріи обучаютъ каждого заочно. Удост. 5 зол. мед. и 5 поч. крест. за слуги. Образцы шрифтовъ, учен. раб. и усл. высыл. за 4—7 к. марки. Одесса. Ришельевская д. Э. № 12. Проф. каллигр. Ш. КРУКУ. Р. S. За 60 коп. выс. нов. изобр. ручку для правильн. постановки руки при письмѣ.

УНИЧТОЖАЕТ МОЗОЛИ С КОРНЕМ.
МОЗОЛИН 35к
РЕЙНГЕРЦ
ОСТЕРЕГ. ПОДЪЛ. ПРОД. ВЕЗДѢ
ФАБР. СПБ. 10 РОЖДЕСТВА 24.

„ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ“
ГАЗЕТА
Комедія-шутка въ 1 д.
П. Т. Герцо-Виноградскаго
(Поангрена).
СКЛАДЪ ИЗДАНИЯ: въ Одессѣ, книжномъ магазинѣ «Одесскихъ Новостей», и въ Москвѣ въ конторѣ «Рампы и Жизни».
ЦѢНА 50 КОП.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные сброшюрованные комплекты

ЖУРНАЛА

САТИРИКОНЪ

за 1908 и 1909 г.

высылаются наложеннымъ платежомъ по получении задатка (можно почт. марк.) не менѣе 1 р.

ЦѢНА КОМПЛЕКТА:

за 1908 — 3 руб., въ коленкоровомъ переплетѣ — 4 руб.
за 1909 — 4 руб., въ коленкоровомъ переплетѣ — 5 руб.

Адресъ склада: С.-Петербургъ, Фонтанка, 80.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ на ежедневную политическую газету

5-й годъ изданія **РЪЧЬ** 5-й годъ изданія

издаваемой въ С.-Петербургѣ В. Д. Набоковымъ и И. И. Петрункевичемъ при ближайшемъ участіи П. Н. Милокова и Г. В. Гессена и при прежнемъ составѣ сотрудниковъ.

Особое вниманіе обращено на отдѣлъ извѣстій изъ провинціи. (имѣется болѣе ста корреспондентовъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ Россіи: на годъ—12 р.—к. на 9 м.—9 р.—к. на 6 м.—6 р.—к. на 5 м.—5 р. 10 к. 4 м.—4 р. 15 к. 3 м.—3 р. 15 к. 2 м.—2 р. 15 к. 1 мѣс. 1 ру. 10 к. За границу: на годъ—20 р.—к. 9 м.—15 р. 75 к. 6 м.—11 „—, 5 м.—9 р. 50 к. 4 м.—7 р. 75 к. 3 м.—6 р. „—, 2 м.—4 р. „—, 1 м.—2 р.

Льготная подписка (при непосредств. обращеніи въ главную контору): 1) Для сельскихъ священниковъ, учителей, крестьянъ, рабочихъ, фельдшеровъ, приказчиковъ, учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подписная цѣна: на 12 м.—9 р., 9 м.—6 р. 75 к., 6 м.—4 р. 50 к., 3 м.—2 р. 40 к., 1 м.—85 к. 2) Служащимъ въ правит., обществен. и торгово-промыш. учрежденіяхъ при коллективной подпискѣ черезъ казначеевъ и дѣлопроизвод. — 10% скидки. 3) Книгопродавцамъ, кіоскамъ, агентамъ и др. посредникамъ по приему подписки—5% скидки.

Адресъ редакціи и главной конторы: СПБ. Ул. Жуковскаго 21. №№ газеты „РЪЧЬ“ для ознакомленія высылаются бесплатно.

КНИГА АРКАДІЯ АВЕРЧЕНКО „ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ“

2-е ИЗДАНИЕ.

въ скоромъ времени выйдетъ и поступитъ въ продажу.

Цѣна книги въ изящномъ переплетѣ

1 р. 10 коп.

СОДЕРЖАНИЕ:

Дебютантъ. Корень зла. Коса на камень. Сплетня. Дуракъ. Измѣна. Жалкое существо. Другъ. Люди четырехъ измѣреній. Новоселье. Оскорбленіе дѣйствіемъ. Исторія одного разсказа. Первый дебютъ. Поѣздка въ театръ. Пьяный. Служитель музъ. Исторія одной картины. Настоящіе парни. Катъка. Солидное предпріятіе. Жертва цивилизаціи. Бойкій разговоръ. Въ ресторанѣ. Камень на шеѣ. Легенда стараго озера. Воздухо-плавательная недѣля въ Коркинѣ. Виньетки. Дуэль. Пихнуть Розенбергъ. Наслѣдственность. Дитя. Тихое помѣшательство.

Главный складъ изданія:

СПб., Фонтанка, 80. Контора журнала „Сатириконъ“.

Выписывающіе изъ склада, за пересылку не платятъ.—Выписывающіе наложеннымъ платежомъ, платятъ на 20 коп. дороже—(1 р. 30 коп.).

ОСТАВШЕСЯ НА СКЛАДѢ ВЪ НЕБОЛЬШОМЪ КОЛИЧЕСТВѢ ЭКЗЕМПЛЯРЫ

БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО АЛЬБОМА

СОВРЕМЕННЫЙ ВСЕПЕТЕРБУРГЪ

подъ редакціей А. Т. Аверченко

продаются въ Главной Конторѣ журнала Сатириконъ С.-Петербургъ, Фонтанка, 80.

Высылаются наложеннымъ платежомъ.

ЦѢНА 1 руб. 50 коп.

Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ.

СОДЕРЖАНИЕ АЛЬБОМА:

Рисунки—шаржи художниковъ—Ре-ми, В. Н. Невскаго, А. А. Радакова, А. А. Юнгера, А. К. Яковлева: Н. А. Рѣзцовъ, гр. А. А. Бобринскій, А. Н. Опленгеймъ, Глазуновъ, С. М. Пропшеръ, А. С. Суворинъ, М. О. Меньшиковъ, Н. С. Худековъ, и др. Дир. Импер. Театровъ—Теляковскій, артисты и артистки Спб. Театровъ, Леонидъ Андреевъ, Купринъ, Максимъ Горькій, Федоръ Сологубъ, Алексѣй Ремизовъ, Сергѣй Городецкій, М. А. Кузьминъ, Александръ Блокъ и др. На стрѣлкѣ. Толкучка. Троицкій мостъ. За Нарвской заставой. Трамвай, Невскій проспектъ. Въ клубѣ. Въ «Акваріумѣ». Cafe de Paris и др.

Текстъ А. Т. Аверченко: Петербургъ, какъ таковой. Петербургская маленькая дума. Петербургская пресса. Шакалы шестой державы. Петербургскіе журналисты. Столичные театры: Наши писатели. Петербургъ лѣтомъ. Литературный ресторанъ. Невскій проспектъ. Лѣтній садъ. Петербургскій азартъ. Веселый Петербургъ. Борьба. Cafe de Paris. Заключение.

Т-во „РЕНЕССАНСЪ“

въ виду непрерывно развивающагося дѣла

ПЕРЕВЕЛО

контору, складъ и продажу

КРЕМА, МЫЛА и ПУДРЫ

въ болѣе обширное помѣщеніе на

Невскій пр., № 116, уголь Знаменской.

Препараты Т-ва „Ренессансъ“ продаются во всѣхъ магазинахъ всей Россіи. Салонъ для продажи открытъ отъ 10 до 6 час. вечера. Телеф. 35—95. Адресъ для телеграммъ: Петербургъ „Ренессансъ“.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ „САТИРИЧЕСКІЯ ЛѢСНИ“

В. КНЯЗЕВЪ.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Цѣна—30 коп. Выписывающіе изъ склада, за пересылку не платятъ—(стоимость можно высылать марками).

Складъ изданія: С.-Петербургъ, 4 Рождественская, 24 кв. 2.

СЪ 1 НОЯБРЯ СЕГО 1910 ГОДА ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА БОЛЬШОЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ „СОЛНЦЕ РОССИИ“.

Русская читающая публика давно уже ощущает потребность в хорошем иллюстрированном издании. Все существовавшие до сих пор издания удовлетворить этой потребности не могли. На художественное исполнение рисунка у нас почти не обращалось внимания. Кроме того, по своим техническим средствам не всякая типография в состоянии выпускать такое издание. Издательство „Солнце России“ прежде всего обратило внимание на техническую сторону дела и приобрело за границей для печатания журнала наилучшие специальные иллюстрационные машины, являющиеся последним словом техники, и пригласило для своей типографии из-за границы лучших печатников-инструкторов. Обеспечив техническую сторону дела, Издательство приобрело возможность выпустить на русский книжный рынок первый, в настоящем смысле художественный журнал по типу однородных журналов, выходящих за границей „Illustration“ „Daily Graphic“ и др.

Формат журнала—очень большой, что дает простор для помещения крупных рисунков, а также открывает возможность обильно освещать в иллюстрациях жизнь явления и события общественной и художественной жизни. За первые только несколько месяцев существования журнала в нем были богато представлены в иллюстрациях: все бывшие в Петербурге художественные выставки, артистическая деятельность В. Ф. Коммиссаржевской, первая авиационная неделя в Петербурге, последний Всероссийский праздник воздухоплавания, мистерии в Обер-Аммергау, деятельность известного в Италии русского скульптора-самоучки Степана Ерзы, Н. Н. Рериха и его произведения, сценическая деятельность К. А. Варламова, художественная деятельность М. А. Врубеля, Московский художественный театр, жизнь и деятельность И. К. Айвазовского, современные русские художники, первая постановка „Шантеклера“ на русской сцене, скульптор Ин. Жуков и его произведения, дея-

тельность художников: Сомова, Иванова, Юона, Синаева-Берштейна и др., „Gaudamus“ Леон. Андреева и все другие зловредные театральные постановки, народная пьеса Плевницкая, „Блуждающие“ в Петербурге и мн. др. На первой странице журнала обыкновенно помещается большая, в целую страницу, портрет кого либо из общественных или художественных деятелей. В 1910 г. в числе других были помещены портреты: А. П. Чехова, В. Г. Короленко, Л. Н. Андреева, В. Ф. Коммиссаржевской, Т. Г. Шевченко, Ф. И. Шаляпина, А. И. Куприна, Вл. С. Соловьева, И. К. Айвазовского, К. Д. Кавелина, М. А. Балакирева, Полины Виардо, композитора А. К. Глазунова, А. И. Куванджи, К. С. Станиславского, К. А. Варламова, М. И. Долиной, А. И. Гучкова, Л. М. Мацевича, и мн. др.

стих в „Солнце России“ свои произведения, чтобы иметь суждение литературных достоинств этого журнала. Авторы эти следующие: Аверченко Арк., Арабакин К., Андрусов Л., Айманов Д., Блок А., Беляевский Вл., Боане А., Бляев Юр., Василевский Л., Венгерова Зин., Вережников А., Галина Г., Городецкая Серг. Гринь А., Гусев Оренбургский С., Галич Леон., Гофман Викт., Годин Я., Гуревич И., Дымов О., О. Л. Дорь, Зайкин П., Ирепкий В., Кармен, Кауфман А., Каменский Ан., Кондурушкин С., Колтоновский А., Князев Еас., Коптяев А., Ладыженский Вл., Лихачев Вл., Лернер Н., Лев Максим, Миртов О., Нордман-Сверова Н., Олигер Н., Пантелеев Л., Потемкин П., Рославлов А., Ремизов Ал., Соломин С., Сологуб Федор, Тыркова А., Уманов-Каплуновский В., Фофанов К., Хирьяков А., Цензор Дм., Чапыгин А., Чеботаревская Ан., Саша Черный, Чулков Г., Шебуев Н., Щеглов Ив., Щепкина Куперник Т., Федоров А. и другие.

Особенное внимание обращено Издательством „Солнца России“ на литературную сторону журнала. Достаточно прочесть список авторов, помещав-

Кроме 52 №№ подпечники журнала „СОЛНЦЕ РОССИИ“ получают бесплатное приложение: 12 больших рисунков

„ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ въ иллюстраціяхъ русскихъ художниковъ“.

Въ интересахъ гг. подписчиковъ чтобы они получили действительно первоклассные рисунки, какъ въ смыслѣ техническомъ, такъ и въ иллюстраціонномъ, редація „Солнца России“ объявила свободный конкурсъ, пригласивъ особое жюри, въ составъ котораго вошли: профессоръ И. Е. Рѣпинъ (предсѣдатель), Е. П. Самокишъ-Судковская, академикъ Альб. Н. Бенуа, академикъ Н. К. Пимоневко, Н. Н. Брешко-Брешковский и предствитель отъ редакціи „Солнца России“.

Подписная цѣна на журналъ съ 12 приложениями: на годъ—4 р., на 1/2 года—2 р., 25 к., 3 мѣс.—1 р. 15 к. На бумагѣ высшаго качества: на годъ—6 руб., на 1/2 года—3 р. 25 к., на 3 мѣс.—1 р. 85 к. Подписныя деньги адресовать: С.-Петербургъ, контора журн. „Солнце России“, Невскій, 74. Материальную отвѣтственность передъ подписчиками журнала „Солнце России“ несетъ издатель журнала—Товарищество Издательскаго дѣла „Копѣйка“, издающее рядъ самыхъ распространенныхъ въ Россіи изданій.

ЖУРНАЛЪ ДЛѢ ВСѢХЪ

Вступая въ IV-й подписной годъ журналъ по прежнему будетъ преслѣдовать, главнымъ образомъ, культурныя задачи и широко ставить отдѣлы: 1) художественно-литературный, 2) критическій, 3) научно-популярный, 4) общественный, 5) отдѣлъ иллюстрацій съ картинъ извѣстныхъ художниковъ. Кроме того, съ 1911 г. при журналѣ вводятся слѣдующіе новые отдѣлы: 1) „Самообразование“, (Народный Университетъ) подъ редакціей Н. Рубакина. 2) Отдѣлъ—„Сатира и Юморъ“, въ которомъ примутъ участіе: Аркадій Аверченко, Николай Архиповъ, О. Дымовъ, О. Л. Дорь, Теффи и др. Журналъ выходитъ ежемѣсячно въ объемѣ 8-ми общ. печат. листовъ (130—140 стр.) съ иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ вѣленовой бумаги.

Годовые подписчики получаютъ БЕСПЛАТНОЕ приложение: два тома избранныхъ произведеній современныхъ писателей (въ отдѣльной продажѣ 2 р.).

Въ истекшемъ 1910 году на страницахъ журнала появились между прочимъ слѣдующія произведенія: Леонидъ Андреевъ.— Неосторожность. М. Арцыбашевъ.—Смерть Башкина.—Д. Аймановъ.—Ангелика. А. Купринъ.—Водолазы. М. Горькій.—До полног. Борисъ Зайцевъ.—Жемчугъ. Е. Чириковъ.—Волкъ. Скиталецъ.—Шелька. А. Серафимовичъ.—Въ номерѣ. Осипъ Дымовъ.—Сестра. А. Гринъ.—Пролитъ Бурь. В. Муйжель.—Въ слободѣ. Н. Тимковский.—Оль. А. Рославлевъ.—Порченые. С. Кондурушкинъ.—Вопросъ. Николай Архиповъ.—Ваня Голубкинъ. Борисъ Лазаревскій.—Сестры. А. Свирскій.—Рабочія руки и друг. Проспектъ съ подробнымъ спискомъ сотрудниковъ высылается бесплатно.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на годъ—2 руб., на 1/2 года—1 руб., за границу—3 руб. Цѣна отдѣльныхъ книжекъ въ магазинахъ 25 коп. Пробный № высылается за пять 7 коп. марокъ. Подписная плата марками не принимается.

Выписывающіе „НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛѢ ВСѢХЪ“ одновременно съ выходящимъ въ этомъ году большимъ журналомъ „НОВАЯ ЖИЗНЬ“ (въ отдѣльности 4 р. 50 к. въ г.) платятъ за оба журнала 5 р. 95 к.

При подпискѣ чрезъ книжн. магазинъ прилагивается 15 коп. въ пользу магазиновъ.

Адресъ для переводовъ: Петербургъ, Фонтанка, 38. „Нов. Журн. для Всѣхъ“ Редакторъ Николай Архиповъ.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Идя на встрѣчу давно назрѣвшей потребности въ большомъ идейномъ журналѣ, который, ВКЛЮЧАЯ ВСѢ ОТДѢЛЫ ДОРОГИХЪ ТОЛСТЫХЪ ЕЖЕМѢСЯЧНИКОВЪ, былъ бы въ то же время доступенъ по цѣнѣ широкому кругу читателей, издательство „НОВ. ЖУРНАЛА ДЛѢ ВСѢХЪ“ (ГОДЪ ИЗД. IV-й) будетъ выпускать журналъ „НОВАЯ ЖИЗНЬ“ при подписной цѣнѣ въ 4 р. 50 к. ВЪ ГОДЪ. Освѣщая социальные и политическіе вопросы съ демократической точки зрѣнія, „НОВАЯ ЖИЗНЬ“ будетъ чутко слѣдить за всѣми исканіями и завоеваніями искусства и науки.

Въ журналѣ будутъ широко поставлены отдѣлы: 1) ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ; 2) КРИТИКИ И БИБЛОГРАФИИ; 3) НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ; 4) ИСКУССТВА; 5) ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ; 6) отдѣлъ художеств.—исполненныхъ репродукцій съ извѣстныхъ картинъ. „НОВАЯ ЖИЗНЬ“ будетъ выходить ежемѣсячно книжками большого формата, до 12 печатныхъ листовъ (200—240 стр.) въ художеств. обложкѣ, съ иллюстраціями НА ОТДѢЛЬНЫХЪ ЛИСТАХЪ ВѢЛЕНОВОЙ БУМАГИ.

Годовые подписчики получаютъ бесплатное приложение: собр. сочиненій Н. Добролюбова (юбилейное издание по случаю 50-лѣтія со дня смерти знам. критика).

ВЫШЛА ДЕКАБРЬСКАЯ КНИЖКА. СОДЕРЖАНИЕ ЕЯ:

БЕЛЛЕТРИСТИКА: М. Арцыбашевъ—Никогда. С. Сергѣевъ-Ценскій—Испугъ. Георгій Чулковъ—Домъ на пескѣ. Гр. Ал. Н. Толстой.—Лихорадка. Гр. Кайзерлингъ—Тяжелые дни. В. Беренштамъ—Записки адвоката. СТАТЬИ: Таня—«Океанъ» Леонидъ Андреева. Арабакинъ—Литературные отклики. Л. Камышниковъ—Врубель. Н. Рубакинъ—Психология книжнана влѣнія. П. Юшкевичъ. О философскомъ міросозерцаніи. Д. Заславскій—Очерки русской жизни. П. Берлинъ—На Западѣ Ив. Коноваловъ. Изъ деревенскихъ настроеній. А. Луначарскій—Письма изъ Игалій. Н. Дубровский—Журналъ журналовъ. СТИХИ: Ал. Блока. Дм. Цензора, С. Городецкаго и др. Критика и библиография.

ХУДОЖ. ИЛЛЮСТРАЦИИ (на отдѣльн. листахъ вѣленовой бумаги) посвящены Врубелю: репродукціи съ его картинъ и автопортрета. Подробный проспектъ со спискомъ сотрудниковъ высылается бесплатно.

Выписывающіе „НОВУЮ ЖИЗНЬ“ одновременно съ „НОВ. ЖУРНАЛОМЪ ДЛѢ ВСѢХЪ“ платятъ за оба журнала 5 руб. 95 коп.

Подписной годъ начинается съ Января 1911 г. Подписная цѣна на г. г.—4 р. 50 к., на 1/2 г.—2 р. 50 к., за границу 6 руб., отдѣльн. книжка—50 к., пробн. № высыл. за десять 7 коп. мар. Подписная плата марками не принимается. Комиссія книжн. магаз.: годов.—20 к., 1/2 годов.—10 к.

Адресъ конторы и редакціи „Новой Жизни“. С.-Петербургъ. Фонтанка, 38. Редакторъ Николай Архиповъ.

НѢТЬ ИНТЕРЕСНѢЙ!

Парижск. академ. снимки съ натуры только оригиналы въ роскош. исполненіи. Крайне занимательно для любителей! 3 серия по 10 штукъ со специально приспособленнымъ новозобрѣт. парижск. стереоскопомъ съ зериаломъ дающимъ поразит. эффекты. Небывалая Новость! Высыл. съ наложен. плат. за 5 р. 50 к., въ Сибирь за 5 р. 85 к. Самыя сер. Безъ Стереоск. на 2 руб. дешевле. Прейсъ-Курантъ высыл. въ закр. конв. по получ. 7 к. марки. Лодзь, „Базаръ Новостей“

ИНТЕРЕСНО

ПАРИЖСКІЕ СНИМКИ СЪ НАТУРЫ

Только оригиналы, высылаемъ каждому интересный пр.-кур., въ закрытомъ конвертѣ, по получ. 7 коп. марки. Адресъ: „Фотосъ“, г. Лодзь Главн. почтамтъ. С.

Конторскую Скоропись, рондо готикъ обучаю заочно каждого въ 6 уроковъ. Въ 15 уроковъ исправляю самый дурной почеркъ. За 5 семик. марокъ высылаю образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условия. Одесса, Профес. Каллиграфин А. КОССОДО, Дерибасовская, домъ Контиръ, 19.

Кн-во ОСВОБОЖДЕНІЕ

НОВАЯ КНИГА

И. ВАСИЛЕВСКІЙ (НЕ-БУКВА)

„ЖИТЕЙСКОЕ КАБАРЕ“

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ

только что вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу во всѣхъ крупныхъ магазинахъ.

Цѣна 1 р. 25 к.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ

И. ВАСИЛЕВСКІЙ (НЕ-БУКВА)

„НЕРВНЫЕ ЛЮДИ“

РАЗСКАЗЫ

КНИГА ПЕРВАЯ

Сначала, когда возникает эта безмысленная затѣя—
устроительницы портят кровь и нервы только себѣ...

Но, на другой день—всѣ гурьбой отправляются пор-
тить кровь другимъ.

— Не согласитесь-ли вы участвовать въ нашемъ
концертѣ?

— Пойдите къ черту!

— Ахъ, онъ согласился! Какъ это мило... Что поста-
вить на программу? «Мцыри?»

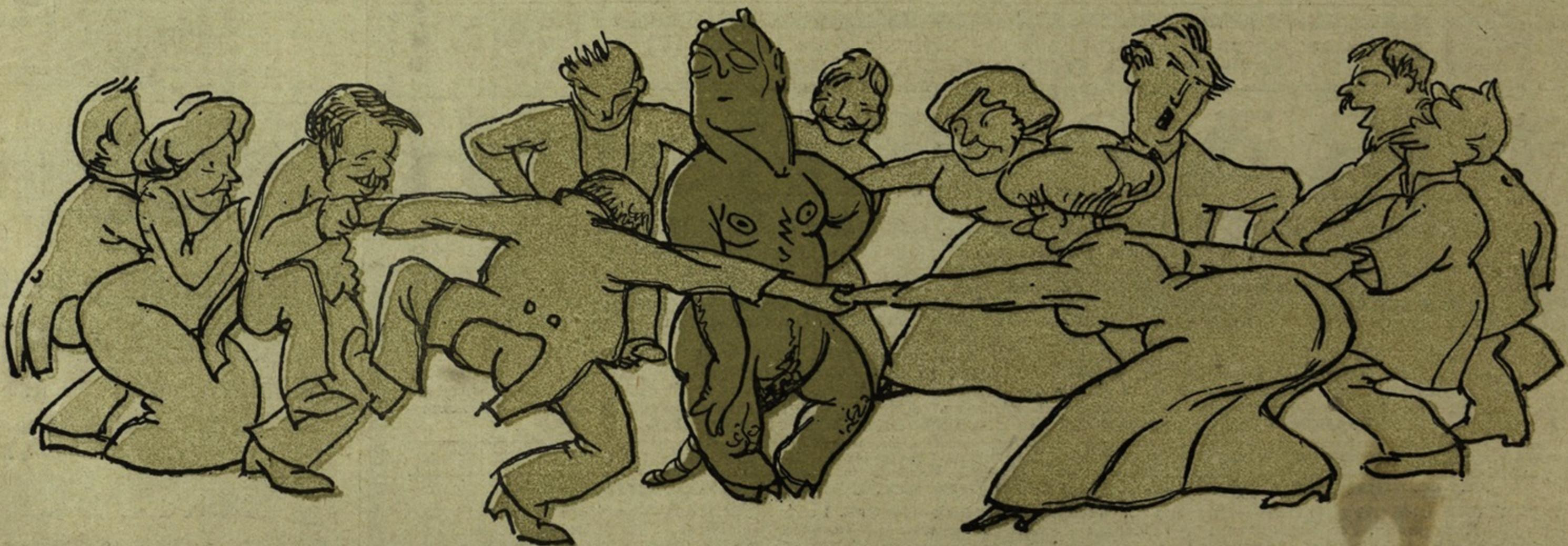
Артистъ стоитъ, молча, и чувствуетъ, какъ внутри
портится его кровь.

— Возьмите билеты!
— Нѣтъ, лучше не надо.
— Нѣтъ, ты возьмешь у меня билетъ, старый ду-
ракъ. Пали въ него, стрѣлай!..
— Ну... дайте... парочку...
У будущаго зрителя кровь на одну половину испорчена.

Вечеромъ кровь зрителя портится совсѣмъ...
Зажимая свои распухшія, больныя, обвисшія уши, убѣ-
гаетъ онъ съ концерта и испускаетъ по дорогѣ подавлен-
ные крики горя и отчаянія.

«Сатириконъ» предлагаетъ такъ
вмѣсто всей этой чепухи, суматохи и
всеобщей равной и тайной порчи кро-
ви, пусть благотворительницы просто
поѣдутъ къ публикѣ и возьмутъ у нея
деньги, подъ торжественнымъ обща-
ниемъ концерта не устраивать.
Всякій пойдеть на это съ удовольствіемъ.

И — посмотрите—какъ тогда всѣ будутъ радостны, будутъ ликовать и въ безоблачномъ хороводѣ будутъ славить
«Сатириконъ».